

П. Дуткевич¹

КЛЮЧЕВЫЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ МИРОВОГО ПОРЯДКА

Введение

Хочу сказать несколько слов о методологии нашего исследования: она основана на диалектическом методе и социальном анализе. Мы анализируем действия, противодействие и их взаимодействие или, иначе говоря, провозглашаем тезис, изучаем антитезис и проводим синтез. Эта идея не нова. Социальное исследование как концепция была предложена Гегелем, а позднее доработана Й. Фихте, который реализовал первые исследования такого рода на практике. Я хотел бы показать процесс, антипроцесс и синтез данных двух переменных, который представляет собой сложное взаимодействие между противоречивыми (политическими, социальными или экономическими) процессами.

Еще одно примечание, которое я хочу сделать, касается названия этого доклада — «Ключевые противоречия мирового порядка». Пожалуйста, не думайте, что можно предсказать будущее. В нашей книге мы попытались показать, что в мире возникло несколько новых процессов мирового порядка, которые связаны с путями и механизмами развития. Нельзя утверждать, что кто-то знает или может предсказать будущее. Мы ставим перед собой гораздо более скромную задачу — показать и объяснить те противоречия, которые, вероятно, приведут к созданию новой реальности. В этих противоречиях мы видим контуры будущего мирового порядка.

Пять противоречий

Гегемония против многополярности

Первое противоречие является фундаментальным. Это противоречие **между «гегемоном и многополярным миром»**, которое уже сейчас, несомненно, привело к изменениям в международной системе. В результате борьбы будет сформирован новый мировой поря-

док. С одной стороны в этой борьбе участвуют США и их союзники, с другой стороны — все остальные страны. Гегемон, естественно, стремится сохранить свою гегемонию. В нашей работе мы не даем моральную или этическую оценку данному стремлению. Гегемон всегда желает сохранить свою гегемонию: это позволяет ему обеспечить лучшие условия жизни, представить более четкое видение будущего и добиться стабильности для своих граждан, поэтому гегемона или гегемонию нельзя назвать морально или этически неправильным явлением. Проблема заключается в том, что в современном миропорядке сохранение гегемонии практически невозможно, поэтому гегемону приходится вступать в конфликт с многополярным миром, представленным другими странами. Понятно, что следующие несколько лет будет продолжаться противостояние в рамках парадигмы «мы против всех остальных».

Как нетрудно заметить, эта борьба основана на противоречиях между системой «США + Евросоюз» (гегемония США с условной поддержкой ЕС) и системой «китайских экономических проблем и российских задач защиты глобальной безопасности». Как вы знаете, в прошлом году ВВП Китая сравнялся с ВВП США. Этот факт ничего не говорит о качестве жизни в Китае или США, но важно понимать, что произошедшее посылает США определенный сигнал.

Еще одну проблему для США, на этот раз в области безопасности, составляют отношения с Россией. События в Сирии показали, что союзники США не обладают монополией на обеспечение безопасности в этом регионе или в другой части мира. Если Россия может вступить в конфликт в Сирии, такой же сценарий, вероятно, может реализоваться и в других частях света. Эти события свидетельствуют о том, что монополия безопасности нарушена. С точки зрения гегемона, настает время для определенных действий, потому что он не хочет терять свою власть.

В связи с данным фундаментальным противоречием китайско-американские отношения в ближайшем будущем будут весьма сложными. Что касается российско-американских отношений, то на них следует взглянуть не просто как на двусторонние отношения, не просто как на отношения, складывающиеся между двумя лидерами. Речь идет о позиции России в структуре обеспечения мировой безопасности. Поэтому отношения между США и Россией также долгие годы будут оставаться сравнительно сложными. В ближайшие

¹ Директор Центра изучения государственного управления и общественной политики Карлтонского университета (Канада), доктор философии, профессор политологии. Ответственный редактор 19-томного издания «Местное и региональное развитие в Польше» (1986–1989), редактор и соредатор 12 книг, последние из них — «Нанося на карту новый миропорядок: мир за пределами Запада», «Социальная история посткоммунистической России», «Евразийская интеграция: взгляд изнутри», «22 идеи управления мира», «Демократия против модернизации: дилемма для России и мира», «Россия: проблемы трансформации», «Новые технологии государственного управления на примере России и Канады». Почетный доктор РУДН (2006), Почетный доктор РАНХиГС при Президенте РФ (2007). Член Международного дискуссионного клуба «Валдай».

8–10 лет ситуация не изменится, в том смысле, что Россия не сможет подчинить себе гегемона.

А как же реагирует на эти процессы гегемон? Он начинает изобретать новые, доселе неизвестные инструменты для сохранения своей гегемонии. С этой целью США за последние 6–10 лет выступили с серией инициатив, которые стали известны как «Три Т»: Транстихоокеанское партнерство (ТТП — 12 стран), Соглашение о торговле услугами (ТиСА) и Трансатлантическое торговое и инвестиционное партнерство (ТТИП с ЕС). Президент Трамп предпринимает попытки заблокировать некоторые из этих проектов, но переговоры ведутся. Мы даже полагаем, что администрация Трампа, по всей вероятности, достигнет определенного прогресса в этих переговорах.

Америка желает использовать эти договоры для сохранения ключевых позиций США в мире и Европе. Интересен тот факт, что если эти соглашения будут заключены, страны — члены этих договоров будут контролировать две трети мирового ВВП. В таком случае новый мировой порядок возникнет не на основе гегемонии — военной или даже экономической. Интересно также и то, что ни в одном из этих соглашений не фигурирует Китай, так же как и Россия. Вообще, страны БРИКС в этих договорах не представлены. Это серьезный сигнал, который свидетельствует о наличии противоречия «мы против всех остальных», когда те, кто не следует «нашим правилам», исключаются из основных нормативных и институциональных договоров, при помощи которых мы формируем будущее.

Если вы посмотрите на статистику, то увидите интересную картину, складывающуюся в мировой экономике. В нашей книге мы обсуждаем определенный уровень видимой экономической конвергенции между двумя системами: системой, над которой доминирует США, и системой, которую США не контролируют. США и их союзники пытаются сохранить свою гегемонию и обратить этот процесс себе на пользу. Оставляя в стороне моральные или этические оценки, мы должны отметить, что эти явления — сигнал о наступлении глубоких структурных экономических противоречий, в результате которых возникнет не только экономическая, но и политическая и социальная напряженность.

Разумеется, за этим последуют различные типы подчинения, например подчинения этой тенденции СМИ и потоков информации. Так, в американских СМИ происходят феноменальные изменения: средства массовой информации теперь позиционируют себя не как поставщики информации, а как политические брокеры между двумя системами. СМИ теперь не предоставляют факты, а служат средством делегитимации второй стороны. Факты теперь не столь важны, а СМИ играют активную роль в позиционировании сторон структурного противостояния в мире. СМИ создают образы «плохих» и «хороших парней» и, вне зависимости от фактов, представляют эти стороны именно такими. СМИ теряют свою объективность, становясь участником борьбы за гегемонию в рамках противоречия «гегемония и многополярность».

Глобализация против политики идентичности

Второе противоречие, которое является основой формирования нашего будущего, — это **глобализация (универсализация) против политики идентичности** (автономизация идентичностей, которая впоследствии приводит к их радикализации). Одной из основных характеристик глобализации является универсализация норм, культур, поведения, институтов и систем управления, а также коммодификация социальных отношений. Основная задача глобализации состоит в том, чтобы заставить экономическую систему работать более гладко, улучшить состояние экономики и повысить ее эффективность, но универсализация поведения и норм, очевидно, является более простым понятием. Гораздо проще иметь одну модель решения проблем, предлагать одно решение вместо рассмотрения нескольких вариантов. Поэтому универсализация является одним из ключевых элементов нынешнего этапа глобализации.

В то же время людям не нравится терять свою идентичность, культуру, обычаи, религию, историю. Поэтому в качестве ответа на универсализацию возникает политика идентичностей в разных формах: религиозных, серьезных гендерных вопросах, этнических аспектах и т. д. Один из лидеров Ирана, **Хаттами**, начал этот процесс, когда заявил, что нам нужна не универсализация, а диалог между различными цивилизациями. Диалог цивилизаций, инициированный Хаттами, затем был прекращен в связи с противоречиями, возникшими между Ираном и Соединенными Штатами Америки.

Политика идентичности — процесс совсем не новый, но мы вступаем в его новую фазу, в которой политика становится зависимой от идентичности. Политика все чаще реагирует на столкновение идентичностей, классовую борьбу, борьбу культур, других видов идентичностей и, наконец, становится основой для формирования групп идентичностей. Эти группы идентичностей, развиваясь, оказывают все большее давление на политику, заставляя политиков обеспечивать то, на что, по их мнению, они имеют право. Эти группы, политические партии или социальные движения выделяются на основе культуры, религии, социального класса или касты, культуры, диалекта, инвалидности, образования, этнической принадлежности, языка, национальности, гендерной идентичности, поколения, профессии, сферы занятости, расы, политической и партийной принадлежности, сексуальной ориентации, месте поселения, городской и сельской местности и статусе ветеранов.

Другими словами, новая политика идентичности заменяет собой существовавшие когда-то большие общественные группы по интересам, которые становятся все более специализированными. Так как государство не имеет возможности реагировать на каждую группу интересов в области идентичности, некоторые из групп становятся все более радикальными. Они считают так: «Если нам не дают того, что мы хотим, нужно выражать свое несогласие более открыто, более радикально, потому что тогда государство прислушается и отреагирует на наши требования».

Классическим примером такого рода мышления является терроризм. «Если я не могу добиться того, чего хочу, какими-нибудь иными средствами, то буду использовать террор как самое радикальное средство, заставляющее обратить внимание на мои требования». Поэтому следующий этап борьбы развернется между политикой идентичности и универсализацией. Результат этой борьбы будет иметь значение для государственной политики и поведения страны: чем слабее государство, тем более оно склонно реагировать на политику идентичности. Государство больше не реагирует на социальные потребности; оно реагирует на потребности групп идентичности, что отражает изменение отношений между государством и гражданами.

Подобные изменения, очевидно, приводят к росту социальных протестов, потому что чем более радикальны группы, тем более заметна их деятельность. В результате возникает дисбаланс в отношениях между государством и группами интересов. Классический пример — сообщества пенсионеров во всем мире. Гласность и мощное влияние их совместных действий заставляют некоторые государства обращать больше внимания на пенсионеров, чем на детей. Если вы посмотрите на статистику Евросоюза, то заметите одну особенность: социальные расходы на все группы населения год от года снижаются, за исключением одной единственной — пенсионеров. На детей выделяется все меньше средств в сфере здравоохранения, в то время как социальное обеспечение пенсионеров, включая расходы на здравоохранение, ежегодно растет во всех странах ЕС. Эта ситуация становится по-настоящему угрожающей.

Богатство против бедности

Третье противоречие возникает между **богатством и бедностью**. По данным Всемирного банка, из 7,4 млрд человек на Земле 1,1 млрд живут за чертой бедности (на 1,25 доллара в день), а еще 2,7 млрд человек вынуждены довольствоваться менее чем 2 долларами в день. Это означает, что около 40 % населения планеты живут за чертой бедности. Этот факт описан в книге французского экономиста Тома Пикетти «Капитал в XXI веке». Основной постулат этой книги гласит: «Капитал имеет свойство к самовоспроизведению». Эта идея не нова, так говорил в свое время Карл Маркс. Пикетти в своей книге доказывает, что происходит некоторая олигархизация капитала: суммы наследуемого богатства растут в геометрической прогрессии, а другие социальные группы вынуждены с этим мириться.

За книгой Пикетти последовал отчет Оксфамы «О бедности» (2017), подготовленный для конференции в Давосе. В отчете говорится, что всего восемь человек на планете владеют богатством, которое эквивалентно сумме личных средств 3,6 млрд беднейших жителей Земли. Этот факт шокирует не столько с точки зрения морали или этики, сколько с точки зрения возможных последствий такого расслоения.

Последствия растущего неравенства заключаются в следующем:

1) воздействие на демократию. Обычно считается, что один голос приходится на одного человека, но те-

перь все чаще демократический театр превращается в представление под названием «один доллар = один голос». Недавно мы наблюдали за двумя самыми дорогими выборами в истории человечества. Как показали в своей книге «Капитал как власть» Джонатан Нитцан и Шимшон Бихлер, капитал становится политической властью. Авторы представили большой объем экономических доказательств прямого влияния капитала на политическую власть;

2) уход от налогов. Сверхбогатые люди эффективно уходят от налогов, потому что всю прибыль они держат в «налоговом раю». Это очень важно, поскольку уплата налогов жизненно необходима для поддержания социальной стабильности в государстве: налоги обеспечивают социальные интересы общества и безопасность страны. Если вы не платите налоги, то функция государства по защите вышеназванных интересов снижается;

3) глобальный контроль за рынком труда. В результате возникает серьезная борьба за максимальное снижение МРОТ в большинстве стран, в том числе и в Северной Америке. По статистическим данным, более 300 млн человек работают без гарантии обеспечения МРОТ. Это явление возникло не только в результате политических манипуляций, во всем мире встречается манипулирование уровнем зарплат.

Резюмируя, заметим, что если демократический процесс окажется подвержен меркантилизации, то это приведет к краху мифа либерального порядка. Такое развитие событий опасно для тех, кто верит в миф о том, что имеет возможность влиять на политику, и думает, что голос, отданный на выборах, может иметь какое-то значение для избирателя. Этому мифу придет конец, если сохранится столь вопиющее неравенство. Последствия такого неравенства похоронят ключевые мифы, на которых основано западное общество. Другими словами, наряду с политикой идентичности и борьбой за гегемонию мы теряем доверие к этой системе.

Государство против рынка

Четвертое (самое старое) противоречие возникает между **государством и рынком**. Отношение экономистов и политиков к этому вопросу изменяется по синусоиде: сотрудничают или не сотрудничают государство и рыночная экономика, каковы отношения между ними и следует ли государству влиять на развитие рынка или рынок должен самостоятельно об этом позаботиться? Другими словами, вопрос заключается в том, должно ли государство нести ответственность за наше благополучие или условия для процветания общества должен создавать рынок.

Это противоречие принимает форму синусоиды, потому что, по мнению некоторых исследователей, согласно кейнсианской модели, государство должно управлять рынком. Самые крупные проекты 1920–1940-х годов и последующего времени, такие как социализм, основаны на этой идее. На той же идее — что государство должно руководить рынком — основан и фашизм. На смену этим проектам в 1970–1980-х годах пришел неолиберальный порядок, который по-

степенно завоевал ведущее положение. Согласно этому порядку, именно рыночная экономика способствует развитию и накоплению богатства. Как оказалось, ни одна из этих моделей не сработала. Кризис 2007–2008 годов показал, что ни рынок, ни государство поодиночке не способны дать гражданам то, что они им обещают. Поэтому граждане утратили доверие как к государству, так и к рынку. Это означает, что сегодня мы не верим никому, даже банкам, которые теперь выплачивают огромные штрафы за манипулирование рынком во время кризиса.

В результате даже предприниматели потеряли веру в собственную систему. Как мы показываем в нашей книге, решением для будущего может стать создание параллельной системы между государством и рынком, в которой государство играет роль корпоративной страховой компании для нарождающихся производительных сил, оказывая им помощь в завоевании позиции на рынке и преодолении конкуренции. Этот подход отличается от стратегии импортозамещения, поскольку в рамках последней предполагается, что государство будет помогать рынку неопределенно долго. В результате государство предоставляет корпоративное преимущество определенным секторам промышленности, создавая из них конкурентоспособные отрасли на мировом уровне. Так произошло в Китае, Тайване, Сингапуре, Малайзии и Южной Корее. Таким образом, никаких споров между государством и рынком больше не существует. Спор теперь идет о том, насколько глубоким должно быть сотрудничество между государством и рынком, чтобы сбалансировать интересы национального и глобального рынков.

Проблема состоит в том, что если государство желает сотрудничать с рынком, оно должно быть относительно сильным, а это обычно не так. Государства не могут устоять под давлением глобализации. Они становятся все слабее и слабее. Волна неолиберализации привела к приватизации многих государственных услуг. Какова теперь роль государства в защите интересов граждан? Почти нулевая. А если государство не в состоянии защитить интересы граждан, государственный аппарат становится бесполезным. Зачем нужны политические партии и парламенты, если в результате не возникает политическая жизнь? Политика — это процесс выбора средств действия органами власти, власть дается для того, чтобы кто-то формировал на основе этого выбора определенную политику. Если этот процесс отсутствует, то зачем нам такая система?

Спор между государством и рынком касается не только экономических вопросов. Параллельно идет формирование нашей будущей политической системы. Мы превращаемся в потребителей. За последние два года мы стали свидетелями фундаментального роста силы денег. Люди зарабатывают много денег, товары обходятся им дешевле, они начинают превращаться в потребителей. Мы более не нужны рынку как граждане, потому что граждане стремятся сделать самостоятельный выбор, а рынок диктует нам свой. Проблема состоит в том, что эти два процесса несовместимы: чем в большей степени мы становимся по-

ребителями, тем меньше в нас остается того, что делало нас гражданами.

Власть против политики

Пятое противоречие, которое следует из предыдущего, называется «**власть против политики**». В настоящее время власть постепенно отходит от политики. Власть определяется как способность привносить реальные изменения в жизнь, менять ход событий. Политика — это процесс выбора средств реализации проектов власти, в частности принятие решений по поводу того, строить ли новую школу или бассейн, нужно тратить средства на ВПК или на школы и больницы. Данные потребности затем доводятся до сведения органов власти в результате парламентского процесса, и органы власти реализуют их на практике. Таким образом возникает связь между политикой и властью: прежде идет политика, за ней следует власть.

Теперь эта система явно разрушается, в руках государства остается все меньше власти. В связи с приватизацией и глобализацией некоторые основные прерогативы государства перешли в другие руки. Деньги также теперь сконцентрированы не в руках государства, поэтому власть вышла за пределы национального государства. Меняется роль государства, и государство не может сотрудничать с рынком так, как этого ждет рынок. Поэтому рынок становится более зависимым от внешних сил, чем от сил, расположенных внутри национального государства. В результате этих процессов политика и власть разделились почти до такой степени, что стали вести как бы совершенно обособленное существование.

На практике это означает, что политики и машина государственного устройства теперь автономны и независимы друг от друга, как никогда прежде. Они создали некую структуру, в которой проживают свои отдельные жизни; они гораздо больше отделились от того, чем должны были бы, по нашему мнению, заниматься. Мы называем это автономизацией политики. Когда политиков спрашивают, почему некоторые их действия настолько иррациональны и недальновидны, они отвечают: «Мы поступаем так потому, что можем». Государство создает собственную реальность. Автономизация политики приводит к интересным политическим последствиям: самые серьезные конфликты теперь зависят не от национальных интересов, а от автономных решений руководства.

Заключение

В статье «Страх как политика», написанной в соавторстве с профессором Казариновой для журнала «Полис», мы называем эти противоречия пугающими. Подобные представления пугают всех, включая представителей элиты. Руководство стран испытывает обоснованное беспокойство: они не представляют себе, что может произойти завтра. Страх не является частью традиционного представления о политике, но в настоящее время он становится политической силой. По большей части современная политика основана не на рациональных расчетах и не на наших интересах, а на страхе. Например, политика Польши или

Венгрии в сфере миграции не имеет никакого рационального основания. Эти меры приняты не в соответствии с некими рациональными принципами, европейской солидарностью или чем-то иным. Они связаны исключительно со страхом перед мигрантами. Примеров основанной на страхе политики много и в области бюджетной политики, просвещения и здравоохранения. Политики боятся острой реакции общества на отсутствие действий в какой-либо сфере. Или же боятся потерять контроль, и поэтому они хотели бы стать похожими на твердую скорлупу яйца, в которую облечен жидкий желток.

Демократические и недемократические государства становятся практически идентичными: они выглядят одинаково — как яйца с твердой скорлупой и жидким желтком внутри. Они пытаются представить себя сильными и обладающими большой властью, но на самом деле они слабы. Покойный профессор Бауман был великим социологом, но я не согласен с его идеей о том, что сейчас наступил некий промежуточный этап, когда старое постепенно отмирает, а новое еще неясно. Я считаю, что когда старое отмирает, новое уже наступило. Поэтому контуры будущего уже намечены, проблема в том, что нам пока неизвестны его детали.